

Источник: Витамин «Т»
Дата выпуска: 2005
Заглавие: Собачья жизни
Автор: Л. Фрейдлин

«Ведьма» по рассказу А. П. Чехова в Таганроге

Когда вас приглашают в числе других зрителей войти в маленькую комнату Чеховского домика, то с первой же минуты пребывания там вы понимаете: вас не просто впустили, а допустили, потому что все дальнейшее - это таинство жизни, в которую вам позволили заглянуть.

Очень тихо. Горят свечи, у окна молодая женщина шьет мешковину. Медленно закрываются снаружи ставни, воцаряется полумрак, за окнами воет ветер и пуржит. Мы абсолютно уверены в этой вьюге за порогом, хотя несколько минут назад вошли сюда из летнего полдня...

В Чеховском домике играет спектакль по рассказу Антона Павловича «Ведьма» в режиссуре Бориса Горбачевского. На двух коротких рядках тонконогих кухонных табуреток (другие тут не уместятся) тесно сидят двенадцать зрителей. В дверях могут стоять еще двое-трое. И стоят!

Это особый театр. Не малая сцена и не театр в фойе. Это игра в такой непосредственной близости к зрителям, что им заметны малейшие движения актеров, блеск глаз, дрожание пальцев. Необходимо какое-то время, чтобы освободиться от ощущения неловкости присутствия в чужом доме, так натуральна жизнь, которая разворачивается перед нами. В то же время это высокое искусство, поскольку жизнь беспросветная, жестокая в своей упрямой безрадостности, пересказана языком поэтичным, делающим историю встречи и расставания волнующе загадочной не только потому, что есть в ней предчувствия, ворожба, тайные мысли, но и потому, что, по Чехову, всякая душа не проста, и актеры подтверждают это.

Итак, нужно время пообвыкнуть, включиться в ритм необычного события в доме Антона Павловича. Впрочем, времени особого нет, ибо происходит оно всего в течение тридцати пяти минут, и в лаконичном этом спектакле постановщик рискует на довольно длительную немую экспозицию. Дьячиха Раиса (Валентина Псел) все шьет и шьет, склонясь над рядом, а дьячок Савелий (Константин Кондратюк) заполошно носится из комнаты в комнату, то бухается на кровать, видную из открытой двери, то нервно вглядывается в лицо жены. Томительно течет время. Видно, так изо дня в день, в течение всех трех безрадостных супружеских лет.

Соразмеряя силу голосов с масштабами комнатки, актеры говорят почти шепотом, но кажется, что криком исходят их души. В крошечном помещении создается поле огромного напряжения. Оно рождается равно от того, как мечется и ярится Савелий и как почти неподвижна дьячиха, во взгляде которой читается сила, намеренно сдерживаемая. К. Кондратюк играет истово, в его Савелии бурлит негодование. Он тычет в жену пальцем, изобличая, голос его дрожит и срывается.

Вся сцена так накалена, точно происходит не обычная семейная ссора, а поединок, достигающий апогея с появлением почтальона (Василий Егельский). Безумный стук (казалось, не только в дверь, а в крышу, в окна, во весь дом) - как удар судьбы, и высокая фигура В черном, спиной к нам, замирает посреди комнаты. Его молчание томительное, тревожное. И вот уже почтальон сидит, одолеваемый усталостью и сном, а дьячиха стоит - и снова молчание. Сцена замечательная, полная особого смысла. У Валентины Псел, играющей Раису, опущены глаза и покорно сложены руки, но мы чувствуем, как она умирляет свое волнение, как нетерпеливо ждет минуты (как готовит эту минуту!), когда почтальон тяжело поднимет глаза к ее лицу, и тогда случится все, что она задумала. Этот взгляд Василия Егельского, секунда мгновенного понимания и мгновенной страсти и есть кульминация спектакля.

За несколько минут перед нами стремительно пропархивает: вспыхивает и угасает - любовь. Движения угловатого, нескладного и сумрачного почтальона становятся неожиданно

нежными и робкими, когда он медленно касается руки и шеи Раисы, и поцелуй, казалось, неотвратим...

Чеховские типажи не соблюдены буквально, даже на небольшом пространстве рассказа опущены кое-какие сюжетные ситуации, тем не менее абсолютное внутреннее соответствие автору очевидно. В нем есть та трепетность, которая рождает ответное зрительское волнение. За короткое время с такими сокровенными подробностями рассказано о жизни трех людей, точно мы посмотрели объемный сериал. «Собачья жизнь!» - проборматывает почтальон, и вас охватывает тоска, ибо кому же неведомо, как несчастны бывают люди волею враждебных обстоятельств, которых ни обойти, ни переломить.

В финале, когда торжествующий Савелий выпроваживает опасного гостя и дьячиха остается одна, разыгрывается несколько иная, чем в рассказе, драма. Раиса не изливает ни ненависти, ни злобы, она переживает все случившееся по-другому. Впитывая запах платка, которым измученный ревностью дьячок прикрыл лицо спящего почтальона, Раиса - В. Псел бережно складывает платок и прячет в комод, силою воображения возвращает прикосновения заезжего гостя и, сложив рядом на манер детского одеяльца, баюкает несуществующего младенца. Сдавленный полуплач, полустон - вот и все, что она позволяет себе...

ЦГТБ имени А. П. Чехова